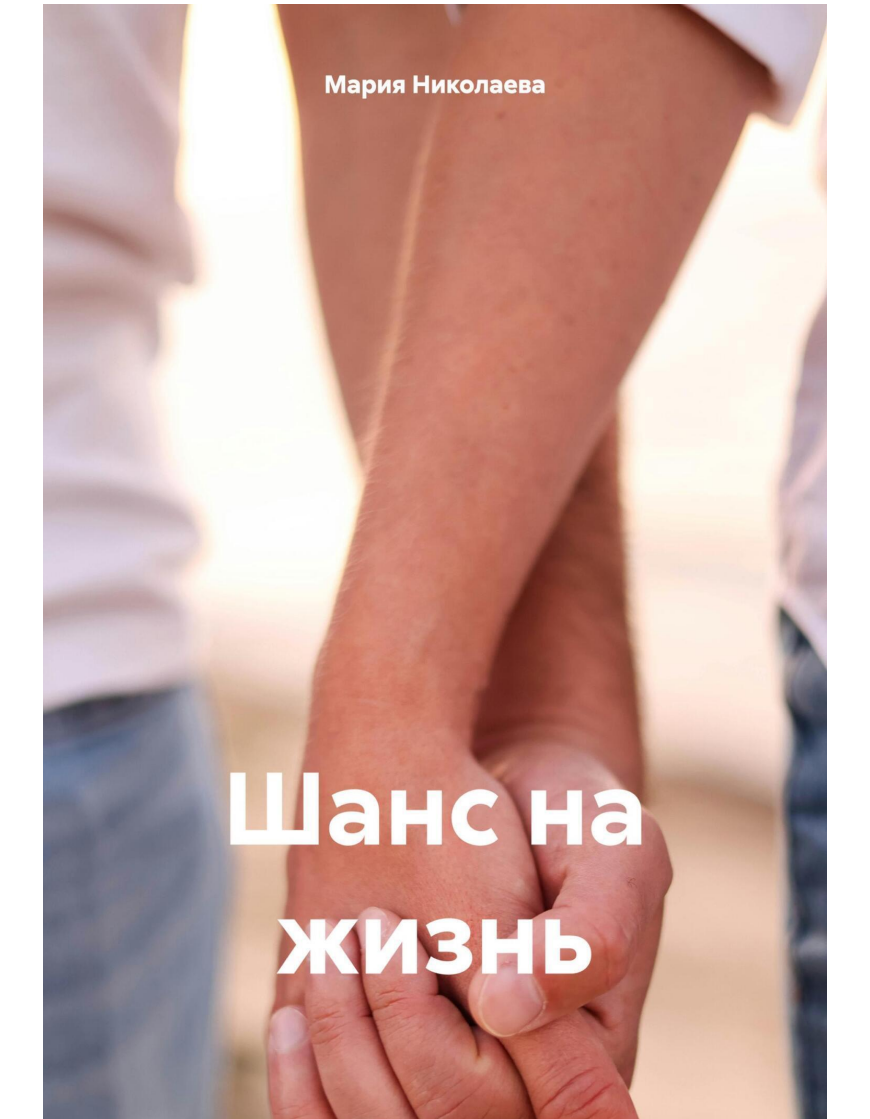

Мария Николаева

Шанс на ЖИЗНЬ

Мария Николаева

Шанс на жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70933204

SelfPub; 2024

Аннотация

Анна, русская эмигрантка в Канаде, попадает в страшную аварию, после которой она возвращается к жизни в незнакомом месте и в чужом теле. Теперь ей предстоит преодолеть множество препятствий, чтобы отыскать путь домой.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	33
ГЛАВА 5	48
ГЛАВА 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Мария Николаева

Шанс на жизнь

ГЛАВА 1

Веки, какие тяжелые веки. И голова словно камень, тяжелая, не поднять, не повернуть. Что со мной? Почему так сложно открыть глаза?

Я силилась разомкнуть веки, но получилось только приоткрыть их на мгновение, и этого оказалось достаточно, чтобы увидеть полоску света. Значит, сейчас день, значит, я могу видеть. Это радует. Мысли путаются и так сложно понять, кто я и что со мной произошло. Нужно попытаться вспомнить. Так, меня зовут Анна, мне уже за сорок и у меня муж и маленькая, чудесная девочка шести лет, с хитрыми карими глазками и смешным чубчиком на голове. Я из России, но с семьей живу в Торонто, в самой северной части этого большого и неуютного канадского города. Хорошо, что еще я помню? Авария. Возвращаться с работы в переполненном метро – удовольствие сомнительное, и сегодня я решила, что вызову такси. Водитель молодой, машина побитая, но так хотелось быстрее добраться домой, чтобы маленькие ручки обняли шею, и хитрые глазки засверкали, увидев меня. Не сбылось... Удалось доехать только до перекрестка улиц Батхерст

и Вилсон, а там...грохот, скрежет, дым, крик, боль, потом люди как в полусне... и все.

Получается, я в больнице в Торонто, жива. Уже хорошо. Кто же теперь с моей малышкой? Нас в Торонто трое: я, муж и ребенок. Ни родных, ни друзей детства, но, что поделать – семья иммигрантов. Следом пришла здравая мысль: муж, наверное, остался дома, с дочкой, а я в больнице одна. Возможно, что я в реанимации, а туда, как известно, не пускают посторонних. Я попыталась пошевелиться, но голову тут же стянуло стальным обручем, и подкатила дурнота. Обожгла и забилась тревожно в голове мысль, что меня парализовало.

Внезапно я почувствовала, что кто-то прикоснулся к моей щеке, и женский, чуть с хрипотцой, голос произнес на английском языке:

– Девочка моя, родная моя, очнись.

Отчаяние на мгновение отступило перед необходимостью осмыслить происходящее. Кто это? Кто-то с работы? Но почему «девочка моя»? Какая девочка? Все, кто мог мне такое сказать, во-первых, далеко в России и, во-вторых, не говорят на английском языке.

Я пыталась не провалиться в забытие, но голова заболела со страшной силой. Я почувствовала, что у меня нет больше сил сопротивляться накатывающему волнами, утягивающему за собой сну, и темнота накрыла меня...

Пить, как же хочется пить. Нужно попросить, чтобы хотя бы смочили губы. Сейчас постараюсь произнести хоть что-

то. Я с трудом разлепила сухие прилипшие друг к другу губы и просипела: «Водыыыы» и тут же поняла, что все усилия напрасны – русский язык вряд ли поймут в канадской больнице.

И вдруг, словно издалека, до меня донесся уже знакомый голос с хрипотцой:

– Посмотри, она, кажется, очнулась! Но я не пойму, чего она хочет. Малышка, ты меня слышишь?

И следом мужской голос, довольно низкий и какой-то холодный, в ответ:

– Очнулась? Я позову доктора Саймона.

Сознание просыпалось, с трудом собирая осколки реальности в одну картину. Кто эти люди? Почему они здесь, и где мой муж? Почему они зовут меня малышкой? Вернее, она зовет, а он ушел, кажется, звать доктора. И еще, похоже, он и не рад тому, что я очнулась. Где моя семья? Мой ребенок?

Еще один мужской голос, молодой и слишком бодрый заставил меня остановить поток скачущих мыслей и прислушаться:

– Элизабет, ты слышишь нас?

Я попыталась заставить язык работать. Мне нужно было сказать, что я не Элизабет, тут какая-то ошибка. Я – Анна, позовите моего мужа. Однако из горла вырвался лишь хрип. Я решила, что попробую открыть глаза, и мне удалось слегка разлепить веки. Поначалу все вокруг расплывалось пятнами, но постепенно картинка начала приобретать четкость

и фокус.

На меня смотрят внимательные и очень голубые глаза за стеклами очков, модных, тонких, почти воздушных. И очень дорогих. Уж я-то знаю. Как мне когда-то хотелось такие же! Но я очень близорука, и поэтому мне не каждая оправка подойдет. К тому же и цена на такие оправы всегда мне казалась невероятной. Я быстро прикидывала, что можно купить на такие деньги и сразу же отказывалась от не столь нужных трат на оптику. Я поняла, что это и есть доктор Саймон, за которым ушел обладатель низкого и холодного мужского голоса.

Руки доктора быстро и профессионально проводили какие-то манипуляции с моим телом, но я почти не обращала на них внимания. В голове одна за другой возникали мысли: я все вижу вполне четко, значит, контактные линзы, которые я обычно ношу днем, все еще на глазах, что, в свою очередь, значит, что я пролежала в бессознательном состоянии совсем недолго. Может, ничего серьезного у меня нет, просто ушиблась во время аварии, отключилась со страха, а обмороки бывают и затяжные, но сейчас я отлежусь, и, даст Бог, меня даже домой отпустят.

– Элизабет, ты нас напугала, наша спящая красавица! – Доктор Саймон улыбнулся. – Мы стали терять надежду, что ты скоро очнешься. Думали, где же нам искать принца, который тебя разбудит?

Доктор разговаривал со мной, не переставая что-то про-

верить на мониторах возле моей кровати, отдавать распоряжения медсестрам, суетившимся рядом, и осматривать меня. Я лежала в полусне и даже не пыталась понять, что происходит. В голове шумело, мысли путались, и к горлу то и дело подкатывал ком.

– Элизабет, как ты, моя дорогая?

Мои глаза с трудом сфокусировались на лице молодой девушки, белокурой, с приятными классическими чертами лица. Она стояла теперь возле моей кровати, улыбаясь, и её улыбка была теплая, но большие, красивой формы глаза, были безмерно печальными. Я напрягла все силы, стараясь вспомнить, кто она, и почему ОНА здесь, а мой муж-нет, но это вызывало тошноту и желание спать. Пронеслась мысль: ну, зачем я проснулась? Так было хорошо лежать, спать, ни тошноты, ни боли. Я снова закрыла глаза. В памяти возникло маленькое бледное личико и широко раскрытые карие глаза:

– Мама, а микробы такие мааааленькие и в белых халатиках?

– Почему в белых халатиках, родная?

– Не знаю, но я так думаю.

Девочка моя маленькая, моя кроха. Моя Лизонька. Стоп, почему Лизонька? Мою дочь зовут совсем не Лизонька. И тут в голове настойчиво отозвалось: «Лиз, Лиз, Элизабет, ты нас слышишь?»

Ну вот, снова эта Элизабет. Да что ей от меня нужно, и кто она вообще? И тут в мозг влетело воспоминание-песня:

«А что это за девочка, и где она живет? А вдруг она не курит, а вдруг она не пьет?» Песня была такой давней, и так не к месту, что губы мои стали растягиваться в улыбке, ну, или как мне показалось в улыбке, потому что я снова услышала уже теперь привычный женский голос с хрипотцой, который в тревоге спросил:

– Стивен, что с ней? Ей хуже?

Ну вот, теперь еще и Стивен какой-то. Низкий голос произнес с досадой:

– Не знаю, позови доктора.

Значит мужчину с холодным, неприятным голосом зовут Стивен. А он что здесь делает? Я его знаю? Как много вопросов. Как не хочется в этом разбираться: кто они, зачем они здесь, но я должна узнать, где моя кроха и что с моим мужем, почему их нет рядом со мной. Этих же двоих как-то пропустили в палату.

Я снова открыла глаза и попыталась сфокусировать их на окружающем меня интерьере: светлая стена, какие-то шкафы, кажется, раковина. А это что за черное пятно? Ах да, телевизор. Я как могла скосила глаза вправо. Стеклопанные двери, штора, рядом мягкое голубое кресло и множество розеток и проводов возле меня. Еще один телевизор? Нет, монитор от какого-то прибора. У меня отдельная палата? Невероятно! Во сколько же обходится содержание меня в этом больничном раю? Ох, о чем я думаю? Какое мне дело? В Канаде общее медицинское страхование, а какой счет выставит сия

больничка государству, меня не касается – мое дело выжить.

Хорошо, а что там слева? С трудом перекатив голову набок, я заметила еще одну дверь, на этот раз без стекла. Наверняка, туалет. А рядом что? Шторы, плотные, на всю стену. За ними, похоже, окно. Рядом диван, красивый, на вид кожаный, со столиком посередине. Тут же пронеслась глупая мысль, что от такого я не отказалась бы и дома. Наверняка на нем было бы удобно всей семьей смотреть телевизор, а столик пригодился бы для тарелки с попкорном и стаканов с соком.

На «семейном» диване сидел человек. Просто сидел и смотрел вперед, погруженный в свои мысли, не замечая ничего и не двигаясь.

– Стивен! – В комнату ворвалась та самая девушка-красавица с приятным голосом. – Стивен, доктор Саймон сейчас придет.

На девушке было светло горчичное платье с широким поясом на тонкой талии, волосы красиво уложены, на руках что-то блестит. Наверное, браслеты или часы.

– Прекрати истерить, Рашель – голос Стивена был резким и неприятным.

А девушку, видимо, зовут Рашель. Красивое имя, с французским звучанием. Может, она из Квебека? У меня на работе была Рашель, но брюнетка и не такая красивая. Но почему была? Она и сейчас есть, и работа есть, и я есть. Только вот выяснить бы, что со мной, и кто эти люди.

Я размышляла, а Рашель и Стивен перешли на драматический шепот и, как я могла понять, пытались выяснять отношения, не нарушая приличий. Ну что ж, не буду мешать.

– Элизабет, ты снова с нами!

Тааак, это притворно-бодрый голос доктора Саймона. Ну, надо же, уже узнаю моих посетителей по голосам. Дальше что? Привыкать к ним начну? Все, нужно приходить в себя и начинать прояснять ситуацию. Понятно, что они все говорят на английском. Что ж, этот язык я знаю прекрасно, так что проблем не будет. Я собралась с силами и спросила:

– Кто вы и почему называете меня Элизабет?

Повисла тишина. Первым заговорил врач:

– Элизабет, вы узнаете этих людей? – И он показал на Рашель и Стивена.

Я постаралась отрицательно помотать головой, но получилось плохо:

– Я их не знаю.

Рашель вскрикнула. Доктор Саймон внимательно посмотрел мне в глаза.

– Вы не узнаете своих родителей?

Мое сердце заколотилось, и я почувствовала дурноту, подкатывавшую к самому горлу. Родителей? Да этой девочке от силы двадцать пять! Стива я видела плохо, он ни разу не подходил ко мне так, чтобы я могла рассмотреть его лицо. Он вообще старался не смотреть в мою сторону. И он мой отец? Какой бред. Мои родители далеко в заснеженной Си-

бири сейчас спят в своей уютной квартире и даже не подозревают, что их дочь в беде. Я ответила, постаравшись, чтобы мой голос звучал как можно тверже:

– Нет, это не мои родители.

– Элизабет!

Рашель подбежала ко мне и схватила за руку. Затем она склонилась надо мной, как будто пытаюсь заслонить от надвигающейся беды, и я смогла рассмотреть ее лучше. Это была не девушка, а очень хорошо сохранившаяся женщина. Только маленькие морщинки-сеточки в уголках глаз и чуть дрябловатая кожа на шее выдавали ее возраст. За сорок точно, но как далеко за сорок сейчас и не понять. Зрение еще не восстановилось полностью, и иногда картинка плыла и двоилась. Рашель повернулась к Стивену:

– Ну что ты стоишь там, Стив? – В ее голосе слышались нотки истерики. – Подойди, пусть наша дочь на тебя посмотрит. Родная, – обратилась она ко мне, – ты узнаешь своего папу?

Я посмотрела на Стивена, который, после секундной паузы, как будто сделав над собой усилие, подошел к кровати. Седые волосы, серые, стальные глаза, широкие брови, прямой нос. Во взгляде неприязнь, разочарование. Наверное, он понял, что я не Элизабет. Наконец-то сейчас все прояснится!

– Оставь ее, Рашель. Видишь, Элизабет нужно отдохнуть.

От слов Стивена меня бросило в озноб. Нет, это невозможно. Я так устала, мне сложно говорить, я пытаюсь, но

никто даже и не слушает. Я НЕ ЭЛИЗАБЕТ и я понятия не имею, кто она. Я закрыла глаза, и Рашель тотчас запричитала:

– Элизабет, малышка, не переживай, папа не имел ввиду ничего плохого, он просто о тебе беспокоится.

– Хватит говорить за меня, Рашель. Ты же видишь, к чему это привело, – резко оборвал ее Стивен.

– Не смей! – взвилась Рашель.

– Мистер и Миссис Трэвор, давайте успокоимся и решим все вопросы позже. Сейчас Элизабет нужен отдых, – доктор Саймон говорил успокаивающе, но твердо.

Все вышли из палаты, а я отчаянно пыталась понять, что происходит, у кого спросить, к кому обратиться? В палату вошла медсестра, молодая девочка-азиатка в синей медицинской робе.

– Здравствуйте, Элизабет. Меня зовут Айлин. Доктор Саймон попросил меня побыть с вами.

Айлин подошла к окну.

– Вы не возражаете, если я открою штору?

– Кто я?

– Что вы сказали? – Айлин остановилась, так и не дотянувшись до шторы.

– Кто я?

Айлин, казалось, не удивилась вопросу, или сделала вид, что не удивилась. Во всяком случае, она спокойно ответила:

– Вы-Элизабет Трэвор, дочь Мистера и Миссис Трэвор из

Ньюпорт Бич. Вы впали в кому три недели назад после... – Айлин осеклась, – после несчастного случая.

Говоря все это, Айлин расправляла штору, которая зацепилась крючком за карниз и не хотела двигаться с места. Наконец, справившись с непослушным крючком, Айлин рывком оттянула штору в сторону, и я вскрикнула. За окном показались зеленые ветви пальм. Нет, не может быть. Сейчас середина января в Торонто, мы только что отпраздновали Новый год и Рождество. Муж подарил мне настольную лампу из тибетского камня в виде сердца. Лампа-ночник была очень красивая, нежно-розовая, вся из мелких кристалликов и, судя по рекламе, должна была ионизировать воздух. На самом же деле безбожно его сушила, но муж, не желая признавать поражение, все равно включал лампу, но теперь в сочетании с увлажнителем. А малышке мы подарили электронное пианино. Долго выбирали, сравнивали цены и, наконец, купили. Очень боялись, что не доставят вовремя, но продавцы не подвели. Как она радовалась, как хлопала в ладоши, а потом позвонила всем родным и похвасталась, что скоро станет великой пианисткой. Я не сошла с ума. Мне это не приснилось. Это было!!! Была лампа, пианино и маленькая пианистка в теплой уютной пижамке с рисунком из ярких бабочек на выпирающем детском животике. Я не могла этого придумать, не могла! Но сейчас зима, и в Торонто сыпет снег попеременно с дождем, листьев на деревьях уже несколько месяцев не было и уж тем более пальмовых!

– Что случилось? – Айлин не на шутку встревожилась. – Мне позвать доктора?

– Нет. Сейчас зима? Январь?

Айлин улыбнулась:

– Нет, начало февраля. Вам действительно стало плохо в середине января, но вы три недели пролежали в коме.

– Откуда же здесь пальмы?

Айлин посмотрела в окно и пожала плечами.

– Так они здесь давно. Больничные корпуса строили среди пальм. Какие то, конечно, пришлось убрать, но многие остались, вот и растут. У нас этого добра навалом, – Айлин успокаивающе улыбнулась.

Я окончательно перестала что-либо понимать.

– Где я?

– В Ньюпорт Джeneral Хоспитал, в реанимации, – сообщила Айлин все так же терпеливо.

– В Торонто?

Я еще надеялась, что сейчас все прояснится, должно же быть какое-то объяснение происходящему. Но Айлин остановилась, посмотрела на меня внимательно и сказала:

– Элизабет, вы в Больнице города Ньюпорт Бич, штат Калифорния. Вы этого не помните?

Я закрыла глаза. Нет, что же происходит? Нет. Нет. НЕТ!!!

– Элизабет, вам плохо?

– Здесь есть зеркало?

– Я могу найти, но вы сейчас не в лучшей форме, – Айлин

стала явно нервничать.

– Принесите! – я невежливо оборвала медсестру, но желание все наконец-то прояснить не оставляло места этикету.

Айлин вышла из палаты и вернулась, неся довольно большое зеркало в руках.

– Не расстраивайтесь от того, что увидите. Это только пока вы приходите в себя. Скоро отеки спадут, бледность уйдет, и вы вновь станете прежней красавицей, – она повернула зеркало в мою сторону.

Меня затрясло. Из зеркала на меня смотрело незнакомое лицо. Красивое, хоть и бледное до синевы, лицо. Серые, как у Стивена, глаза, правильные черты Рашель, великолепные белокурые волосы. И, самое невероятное, это было лицо совсем юной девушки, вряд ли старше двадцати лет.

Нет, это сон, главное сейчас не паниковать, а сосредоточиться и проснуться. Я так сто раз поступала, когда видела кошмар и понимала, что нужно проснуться. И всегда помогло. Я закрыла глаза и попыталась приказать себе «Очнись!».

– Элизабет, вам плохо? Позвать доктора?

– Нет, это сон, и я скоро проснусь.

ГЛАВА 2

Я не проснулась. Вернее, я просыпалась еще много раз, но все в той же больнице, в палате отделения реанимации, и вокруг меня неизменно сустились медперсонал и Рашель. Стивен больше не появлялся, и мне от этого было только легче.

Медперсонал профессионально ухаживал за мной: мне ставили капельницы, помогали добраться до туалета, растирали, проводили сеансы реабилитации. Меня осмотрели бесчисленные специалисты узкого профиля, включая невролога, который пояснил, что потеря памяти случается после комы, но часто кратковременна, и просто нужно время, чтобы все вспомнить.

И Рашель старалась, как могла. Каждый день она приносила в палату что-то, что, как она полагала, поможет ее дочери вернуть память. Она усердно сидела со мной рядом и восклицала, подсовывая мне под нос очередной артефакт:

– Солнышко, посмотри, помнишь наш домик у озера в Швейцарии? Ты так любила проводить там время! Вот это твоя любимая шкатулка из ракушек. Мы привезли ее с пляжа Мёртл в Южной Каролине, и ты складывала туда всякие мелочи. А вот, смотри, наш доберман Тайгер. Видишь, ты обнимаешь его? Здесь тебе всего пять лет.

Рашель с блаженством смотрела на фотографию с мощным псом, которого обнимала тощая белокурая девчушка в

летней маечке на бретельках и коротких джинсовых шортиках. Пес лежал с высунутым языком и щурился на солнце, а девчушка сидела на изумрудно-зеленой траве, обхватив его мощную шею тоненькими ручками. У меня в голове пронеслось: «Совсем не похожа на мою крошку, такую же, впрочем, худышку, но с длинными каштановыми волосами и темно-шоколадными глазами». Ох, Рашель, как я тебя понимаю! Ты – мать, которая пытается вернуть свое дитя, но проблема в том, что я не могу тебе помочь. Я не знаю, в каком из миров сейчас твоя дочь, но здесь, в этой палате, ее точно нет. Здесь есть я, но я не могу тебе все рассказать по нескольким причинам: во-первых, я сама не понимаю, что происходит, во-вторых, я не хочу убивать твои надежды, ведь ты счастлива тем, что твой ребенок выжил, но главное, я не уверена, что мне поверят. Вернее, я почти на сто процентов уверена, что мне не поверят и сочтут за травму мозга и помешательство, и начнут лечить, желая заставить меня вспомнить то, что должна знать Элизабет. А проблема в том, что я этого не знаю и, соответственно, не вспомню НИКОГДА. И жить мне тогда оставшиеся года овощем в фешенебельном дурдоме, ибо деньги у моих «родителей» явно водятся немалые, и доктора будут лечить их единственное (или не единственное?) чадо до тех пор, пока существует монетный двор. Нет, я буду молчать и делать вид, что ничего не помню. А дальше искать путь домой, к мужу, к ребенку.

– Ой, Лиззи, ты узнаешь этот ресторанчик?

Мне вручили фотографию с увитым плющом двухэтажным домиком с открытой верандой на втором этаже. Возле домика росли кусты, усыпанные крупными белыми и розовыми цветами. Небо над рестораном создавало фон невероятной красоты и голубизны, а солнце ярко освещало каменные стены дома, его плоскую крышу и окна с деревянными жалюзи.

Как же мне хотелось сказать, нет, я не помню и не могу помнить этого ресторана, так как обед в нем стоит половину моей месячной зарплаты, и такие заведения я всегда обходила стороной. Я не могу помнить наш отдых в Ницце и поход в Сирк дю Солей в Арии, элитной гостинице Лас Вегаса. Я не летала с вами в Италию, чтобы послушать божественный голос оперной дивы и не ходила по горным тропам швейцарских Альп. Я родилась за тысячи километров отсюда в среднестатистической российской семье с небольшим достатком, жила и работала в маленьком сибирском городке, пока не повстречала своего мужа, который прилетел туда в командировку и увез меня сначала к себе, в Хабаровск, а потом в Канаду, где ему предложили работу. Наша кроха родилась уже здесь, в Торонто, ну, то есть там, в Торонто. Я никогда не жила в Калифорнии и вообще никогда не была в США, и у меня никогда не было более \$50,000 на счету. Мне хотелось кричать, что это не моя, а чужая жизнь, которую мне зачем-то навязали, ну, или подарили, я не совсем еще в этом разобралась. Но я молчала, угрюмо смотря на очеред-

ное фото, а Рашель продолжала верещать с восторгом:

– Твой папа отвел нас в этот ресторан, чтобы ты перестала плакать, когда погиб Тайгер. Он хотел купить тебе пони, но ты отказалась наотрез заводить другого питомца. Ты такая упрямая! Это у тебя от отца, – явно с горечью сказала Рашель, но тут же снова затараторила с восторгом. – Ох, а это ты впервые пошла на занятия танцами. Тебе здесь пять с половиной. Моя маленькая балерина! Помнишь это розовое платье?

– Нет, – я отрицательно покачала головой.

– Значит, крошка делает вид, что ничего не помнит? Ну, и какую же игру ты на этот раз затеяла, Лиззи?

От неожиданности я вздрогнула, а Рашель резко повернулась в сторону голоса. У двери в палату стояла молодая женщина в дорогом брючном костюме. На солнце шелк отливал металлическим блеском, и было видно, что костюм шили на заказ: сидел он по фигуре идеально и выполнен был с дорогой простотой и обилием вкуса. Темные волосы уложены, на ногах туфли на таком высоком каблуке, что не оставалось сомнений – в них можно передвигаться только в автомобиле.

Женщина явно не намеревалась меня обнимать, и было понятно, что особой радости по поводу моего пробуждения она не испытывает. Мне показалось, что я ее уже где-то видела, особенно знакомыми были серые красивой продолговатой формы глаза. И вдруг я поняла: это глаза Стива! Значит, это его родственница, может, дочь, то есть моя сестра?!

Рашель тут же подтвердила мою догадку:

– Клаудия, прекрати сейчас же! Ты не видишь, твоей сестре плохо?

– Сводной сестре, Рашель, сводной. Хотя я бы предпочла думать, что не имею к ней никакого отношения.

– Что ты имеешь в виду? – побагровела Рашель.

– Да просто говорю, как есть. Из всех детей нашего отца, несмотря на все их недостатки, совершенно никчемной дрянью можно назвать только эту маленькую врушку.

– Не смей! – Рашель почти кричала. – Я позову охрану и...

– Не утруждайся – Клаудия усмехнулась. – Я просто пришла проверить, действительно ли моя, – Клаудия скривилась – сестричка симулирует, что ничего не помнит. Учти, – Клаудия посмотрела на меня с таким презрением, что я невольно сжалась на кровати – больше ты не одурачишь ни меня, ни нашего отца. Пусть твоя мамочка и защищает тебя при любых обстоятельствах, но с нас довольно.

Резко развернувшись на каблуках, Клаудия выскочила из палаты, а Рашель стояла возле меня, мелко трясясь всем телом.

Наконец она перестала дрожать и сказала почти спокойным голосом:

– Не переживай, родная, я поговорю с твоим отцом, и они тебя больше не побеспокоят.

– Они?

Рашель замялась:

– Наверное, я должна тебе кое-что рассказать. Понимаешь, я вышла замуж, когда мне было двадцать семь лет, а твоему отцу, к тому времени вдовцу – сорок восемь. У него уже были дети: старшая Клаудия, ее ты только что видела, средний сын-Брайан, ему тогда было шестнадцать, и младший, Мэтт, ему только исполнилось тринадцать. Ты не поверишь, какой прием они мне устроили! Не было и дня, чтобы они не бунтовали и не пробовали довести меня до слез. Что и понятно: подростки в доме, а я сама лишь на четыре года старше падчерицы, – Рашель глубоко вздохнула и продолжила. – Она и была главной во всех скандалах, все время подбивала мальчишек на безобразия. Я плакала, жаловалась, но что толку? Стив не желал вмешиваться в склоки, которые, как он считал, не стоят того, чтобы о них говорить. Почти год я жила как на войне, не знала, когда и где меня поджидает неприятность. Я похудела и постарела, и уже думала, что больше не выдержу, когда я узнала, что беременна. Стив был счастлив, он очень хотел еще одну девочку. Когда у него родилась Клаудия, ему было всего двадцать пять, и он зарабатывал деньги день и ночь, чтобы обеспечить семью и почти не помнит, как выросла дочь. Дети же приняли эту новость холодно, а Клаудия просто взбесилась и стала скандалить. Тогда-то Стив впервые понял, что я не преувеличивала, когда жаловалась ему на детей. В результате, Клаудию отослали из дома под предлогом необходимости продолжить образование, и она уехала в Швейцарию. После ее отъезда

мальчишки присмирели, особенно когда я припугнула, что уговорю отца отправить и их обоих в элитную школу-интернат.

Рашель задумалась, потом продолжила мечтательно:

– Ох, Лиззи, это были самые лучшие годы для нашей семьи. Я была так счастлива! Ты родилась, и Стив стал проводить больше времени дома, возился с тобой, мы ездили отдыхать вместе. Мальчики вели себя хорошо. Клаудия навещала нас, но ненадолго, и я терпела ее приезды, зная, что скоро она уедет. Как бы я хотела вернуться в прошлое и остаться там навсегда...

Рашель замолчала, потом взглянула на меня и вздрогнула, опомнившись.

– Но, дорогая, я так рада, что ты очнулась и снова с нами. Не обращай внимания на Клаудию. Она просто всегда завидовала тебе, потому что ты во всем ее лучше, и Стив всегда был ближе к тебе, чем к ней.

Я молчала. Что я могла сказать? Что я и не собиралась обращать внимания на Клаудию, ее братьев или кого бы то ни было из семьи Трэворов?

– Сколько мне лет? – задала я единственный интересующий меня вопрос.

– Шестнадцать – ответила Рашель, и сердце мое тревожно сжалось.

ГЛАВА 3

Наконец настал момент, которого я одновременно очень ждала и боялась. Доктор Саймон зашел в палату и приторно-бодрым голосом объявил, что физически я абсолютно здорова и нет никакого смысла держать меня в больнице.

– Лиззи, дорогая, мы так привыкли к тебе, что не хотим отпускать, – доктор просиял. – Но думаю, что тебе лучше попробовать все вспомнить в родных стенах, они тебе помогут, я уверен.

«Ох, доктор, я понятия не имею, что там за стены, но ничем они мне не помогут, это точно», – подумала я, а вслух лишь пробормотала благодарность за заботу и уверенность в том, что дома мне, несомненно, будет лучше.

– Ну что ж, Элизабет, я не прощаюсь, – улыбнулся доктор Саймон, – мы будем видеться на регулярных осмотрах, но я надеюсь, что в следующий раз, когда мы увидимся, ты уже сможешь рассказать мне о себе.

Я улыбнулась и попрощалась с доктором. Айлин помогла мне устроиться в кресле-каталке, Рашель удостоверилась, что мне в нем удобно, и меня покатали к выходу, где уже ожидал шофер, вышедший из длинного и широкого черного Крайслера, припаркованного у самых дверей. Внутри автомобиль казался необъятным, со снежно-белыми мягкими креслами, обтянутыми явно натуральной кожей. Потолок

сверкал тысячью мелких звездочек, напоминая ночное небо. Рашель выдвинула планшет, установленный в спинке переднего кресла.

– Малышка, ты хочешь посмотреть что-нибудь? Выпить воды или сока?

Я отрицательно покачала головой.

– Может, прибавить кондиционер? Нет? Хорошо, скажи мне, если захочешь чего-нибудь, договорились? – Рашель немного осеклась, но потом продолжила. – Знаешь, папы дома не будет, он очень занят и не смог сделать перерыв, – в голосе Рашель чувствовалась тревога, она явно боялась моей реакции.

Мне бы очень хотелось ей сказать, что повода для тревоги нет, и мне все равно, дома Стивен или работает, но я промолчала, глядя в окно. Машина мчалась на большой скорости, и за окном мелькали автомобили, разделительные ограждения, дорожные указатели и пальмы, растущие вдоль шоссе. Пальмы! Не могу в это поверить. Я ни разу в жизни не видела столько пальм. И небо. Такое синее, яркое, с редкими разорванными белыми облачками. Неужели это не сон, неужели я не проснусь?

Рашель взяла мою руку.

– Родная, папа придет вечером, и вы увидите, – Рашель явно приняла мое молчание за показное недовольство.

Я отодвинула руку.

– Хорошо, я все равно хотела бы отдохнуть, как только мы

приедем домой.

– Да-да, – Рашель вздохнула, явно расстроенная. – Отдыхай.

Я с облегчением закрыла глаза. Мне необходимо подумывать, как поступить дальше, как вырваться из этой семьи и добраться до мужа и дочери? Просто сбежать? Но у меня ни денег, ни документов. Я в теле несовершеннолетней и чтобы пересечь границу, пусть даже и такую номинальную, как американо-канадская, мне понадобятся документы и разрешение родителей. А они меня не отпустят. Сейчас точно.

– Вот мы и дома! – Рашель повернулась ко мне, явно ожидая, что я захочу поскорее увидеть родные стены.

Я посмотрела в окно. Вдалеке среди деревьев виднелся дом необыкновенной красоты. Кипенно-белый, похожий на увеличенную копию очаровательных поместий северной Италии, он утопал в зелени сада, через который мы сейчас и проезжали.

– Питер, остановите здесь, мы пройдемся, – Рашель обратилась к шоферу и затем повернулась ко мне. – Ты в силах дойти до дома?

Я взглянула на дорожку, усыпанную белым камнем, и кивнула.

– Отлично, – Рашель повеселела.

Шофер помог мне выйти из машины, а Рашель взяла меня под руку. Прикосновение ее ледяной ладони было неприятным, но я не стала возражать, а просто пошла рядом.

Дорожка извивалась между крупными деревьями с массивными стволами и широкой зеленой кроной, рядом с которыми росли низенькие кустики и невероятное количество цветов: красные, белые, желтые и нежно-сиреневые они раскрашивали сад, не давая глазам заскучать. В тени деревьев не было жарко, но запах растений был настолько интенсивным, что накатила дурнота, и я обрадовалась, когда тропинка закончилась у небольшой заасфальтированной круглой площадки с зеленым островком, усаженным цветами, посередине. На площадке уже стоял припаркованный автомобиль, и Питер все еще сидел в нем, ожидая дальнейших распоряжений. Дорожка, идущая от площадки к дому, была вымощена розовым мрамором и заканчивалась лестницей всего на три ступени, ведущей, однако, не вверх, а вниз. По бокам лестницы начинался мраморный же бордюр с подсветкой, изначально невысокий, но переходящий в стену примерно метр высотой. Дорожка, обрамленная теперь уже мраморной стеной, немного расширялась и заканчивалась у самого дома мраморной площадкой.

Часть центрального входа немного выдвигалась вперед и издалека выглядела небольшой башенкой, а над массивной темно-коричневой входной дверью висел большой фонарь, имитирующий старинную газовую лампу. Чуть позади от центрального входа начинались колонны, поддерживающие на себе два балкона, по одному с каждой стороны. Внизу, в тени нависающих сверху балконов, также с обеих сторон рас-

полагались небольшие столики с креслами по бокам. Удивительно, но кресла, с белоснежными сиденьями и спинками в сине-белую вертикальную полоску выглядели абсолютно чистыми несмотря на то, что стояли снаружи и должны были иметь соответствующие следы, оставляемые пылью и залегающими дождевыми каплями.

– Присядем? – попросила Рашель. Казалось, она всю дорогу обдумывала, как ей начать разговор, но до сих пор это ей так и не удалось.

Я покорно села.

– Родная, я должна тебя предупредить, что сегодня будет семейный обед в честь твоего возвращения. Будет Клаудия, которая живет с нами, и мальчики тоже приедут пообщаться с тобой. Ты уже видела Клаудию и понимаешь, что она не устроит тебе теплого приема. Мальчики же в основном следуют ее примеру, – Рашель вздохнула. – Была бы моя воля, я бы ни за что не пустила их на порог, но твой папа настоял, и я не смогла его переубедить. Я прошу тебя только об одном: не верь тому, что они могут о тебе сказать, пока не получишь шанс сама все вспомнить. Договорились?

Хмм, не верить тому, что они могут обо мне сказать? Интересно, а что такого они могут обо мне сказать? Почему меня необходимо об этом предупредить, и у Рашель даже не хватало мужества начать этот разговор? Мне очень хотелось задать эти вопросы, но я просто кивнула и заметила, как просияло лицо Рашель.

– Вот и замечательно! А сейчас, пойдем, скорее, домой, тебя там уже заждались.

Я чуть было не спросила: кто? Кто меня может там ждать, если «папочка» не удосужился прервать работу, чтобы увидеться с чудом воскресшей дочерью, а сводные братья с сестричкой во главе, похоже, готовы меня закопать живую лишь бы я больше не появлялась в их жизни?

Рашель толкнула массивную дверь и позвала, входя в просторный холл: «Хелли!» Я зашла за ней и осталась без слов. Никогда в своей жизни я не была внутри дома такого просторного и невероятно красивого. Огромный холл из белого мрамора с кремовым рисунком на полу вел в зал с тонкими высокими колоннами. Слева я заметила лестницу с витыми металлическими перилами, ведущую наверх, а через небольшое расстояние еще одну лестницу, но уже для спуска, надо думать, в подвальные помещения. Справа за колоннами располагалась гостиная с камином, по обеим сторонам которого в нишах стояли небольшие выставочные шкафы с полками, уставленными фарфором. Бело-синие вазы, кувшины, соусники и чашки были явно коллекционными и очень дорогими. На полу у камина лежал пушистый ковер кремового цвета, и я в очередной раз подивилась чистоте предмета, который, по моему опыту, не может быть таким безупречно-чистым.

Ковер в моем доме (тот, что в Торонто, тот, что действительно МОЙ) был безупречно чистым лишь первые полчаса

после его покупки. А дальше... ребенок поел чипсы, друзья пришли с собакой, пластилин случайно упал и был втоптан в мягкий ворс ковра, и еще сто причин, почему мой ковер никогда не был идеально чистым, как я ни старалась. А здесь... чудесаааа.

В центре ковра стоял небольшой овальный стеклянный столик на двух толстых круглых деревянных ножках, а вокруг него расположились два белоснежных диванчика с горой коричнево-серых подушек, два бежевых мягких кресла и два низеньких кремовых пуфика на гнутых металлических ножках. Над камином висело большое зеркало в витой коричневой раме, и в нем отражалась столовая, которая располагалась сразу же после гостиной.

В столовой на полу лежал такой же ковер, как и в гостиной, но на нём стоял массивный деревянный стол темно-коричневого цвета на двенадцать человек с мягкими кремовыми стульями на толстых деревянных ножках в цвет стола, расположившихся вокруг него. В центре стола в художественном беспорядке было расставлено штук восемь, как мне показалось на первый взгляд, ваз разной высоты. Приглядевшись, я поняла, что это декоративные подсвечники из цветного венецианского стекла. Над столом свисала люстра из металла и хрусталя с лампами в виде свечей, в которой не было особой необходимости днем, потому что и в гостиной, и в столовой основным источником света были французские окна от пола до самого потолка в легких темно-коричневых

рамах. За столовой, в стене, виднелся дверной проем. Проход между колоннами тоже вел куда-то в глубину дома, но у меня не было времени все рассмотреть, потому что в дверном проеме возникла фигурка тощей коротко стриженной темноволосой девушки в темном платье до колен, с белым кружевным воротником и тоненьким ремешком на талии.

– Хелли, как хорошо, что ты еще здесь, – Рашель обрадованно обратилась к девушке. – Я не знала, ждешь ли ты нас или уже уехала закупать продукты. Мы так задержались из-за этих ужасных пробок!

– Ну что вы, как я могла уехать, не встретив нашу дорогую Элизабет! – воскликнула Хелли, лучезарно улыбаясь, но в глазах ее было столько холода и настороженности, что я не нашла в себе сил улыбнуться в ответ.

– Элизабет, девочка моя родная, ты дома! Как я надеялась, как молилась Деве Марии, как плакала ночи напролет, прося за тебя у Господа! Ты вернулась, моя кариньо!

Я вздрогнула. Ко мне, причитая, приближалась маленькая полная пожилая женщина. Темные волосы с проседью уложены сзади в пучок, морщинистое лицо с большими карими глазами под темными прямыми бровями выражает страдание и радость одновременно. А главное, впервые за все время, что прошло с момента моего пробуждения, я услышала простые и добрые слова в мой адрес, вернее, в адрес Элизабет. Они звучали так искренне, и столько радости слышалось в голосе женщины, что я невольно пошла ей навстречу. По-

дойдя ко мне, она обхватила меня руками и прижала к себе. Она была вся такая мягкая, уютная, и от нее так вкусно пахло свежей выпечкой и какими-то ароматными травами, что я невольно прижалась к ней крепче и не хотела отходить.

– Ты узнала Лусию? – Вскричала Рашель. – Милая, ты ее узнала?

Я отошла от женщины и отрицательно мотнула головой. Рашель сникла, но быстро взяла себя в руки.

– Это Лусия, твоя няня. Она была с тобой почти с самого рождения. Ты для нее как дочь, – Рашель улыбнулась, а Лусия снова подошла ко мне и погладила меня по голове:

– Не переживай, моя родная, ты скоро поправишься и вспомнишь всех нас.

Я посмотрела в доброе лицо няни и поняла, что это первый по-настоящему добрый человек, который оказался рядом с тех самых пор, как я очнулась. Мне стало так жаль эту бедную девочку Элизабет, которую почему-то ненавидел весь дом, себя, застрявшую в этом непонятном семействе, моих настоящих родных, которые думают, что я ушла безвозвратно, что я обняла Лусию и расплакалась. Я рыдала на плече у маленькой пожилой черноволосой женщины, а она просто гладила меня по голове, не говоря ни слова.

ГЛАВА 4

Меня отвели в комнату Элизабет, которая располагалась на втором этаже. Поднявшись по красивой лестнице с деревянными ступенями и витыми перилами, мы попали в холл второго этажа. На стенах висели картины в темно-коричневых деревянных рамах, рядом стояли скамьи с мягкими сиденьями, круглые столики с лампами и торшеры на тонких длинных ножках. Красивый темный паркет покрыт тонким кремовым ковром с коричневым рисунком. Как все просто и в то же время красиво. Я вспомнила свою квартиру в Торонто: крохотная кухня, зал и столовая вместе, одна спальня, где стояли две кровати: большая для нас с мужем и маленькая белая, вся в разноцветных наклейках – для нашей малышки. Искусственные ковры, дешевые китайские тюли и шторы на окнах, пластиковые торшеры за двадцать долларов из Волмарта и диван из Икеи. И все богатство, что я вижу сейчас, я бы променяла, не задумываясь и на секунду, на мою маленькую квартирку, мой крошечный уютный мирок.

Лусия, которая все время шла рядом со мной, открыла красивую дверь из натурального дерева:

– Входи, крошка, располагайся.

Я вошла в комнату, ожидая ту же смесь богатства и вкуса внутри, но то, что я увидела, поразило меня так сильно, что я замерла на пороге как вкопанная. Комната была похожа на

клубничную зефирку: стены покрашены в розовый цвет, на полу розовый же ковер и нежно-розовые шторы на окнах. Пуфики, диванчики, накидки, и даже постельное белье на огромной круглой кровати с балдахином, да и сам балдахин, все также было разных оттенков розового. В комнате пахло ванилью и чем-то еще, приторным и неприятным. Я сделала шаг вперед, а Лусия быстро прошла к дальней стене комнаты и открыла одну из дверей, находившихся там:

– Я сейчас приготовлю ванну, с пеной, с лавандой, все, как моя крошка любит, – голосила няня уже откуда-то изнутри.

Значит, за этой дверью ванная. Интересно, куда ведет вторая дверь? В туалет?

Рашель, которая все это время стояла рядом молча, наконец, поняла, что ее дочь все еще ничего не вспомнила, даже очутившись в такой, хммм, скажем помягче, необычной комнате, как эта. Она подошла ко второй двери и открыла ее:

– Дорогая, можешь пока присмотреть себе одежду к обеду.

Я приблизилась к шкафу и снова впала в ступор на некоторое время. Думаю, что мои брови поднялись слишком высоко в изумлении, потому что Рашель, увидев мое лицо, сказала с некоторым стеснением в голосе:

– Да, ты немного излишне тратилась на одежду, но тебя можно понять, ты молода, красива и заслуживаешь возможности подчеркнуть это.

Действительно, материнская любовь слепа. Я стояла у вхо-

да в платяной шкаф, размеры которого превышали размеры моей спальни, а может и всей квартиры, в Торонто. Шкаф был забит от пола и до потолка полками с одеждой и обувью. Вдоль стен стояли штативы со свисающими на плечиках вечерними платьями, нарядными и не очень блузами, кардиганами, юбками, шерстяными свитерами, летними майками и еще множеством разных вещей всевозможных цветов и фасонов. На верхних полках лежали кепки, бейсболки, шляпы и шляпки, банданы и косынки. Я даже не осмелилась открыть выдвижные ящики, которыми изобиловал шкаф. Нет, психику нужно беречь. Лучше пойду приму ванну и подумаю, что делать дальше.

– Ты что же, ничего не выберешь? – Рашель взглянула на меня с изумлением.

– Я потом. Сначала, если можно, я приму ванну и отдохну.

– Конечно-конечно. Лусия, пойдем, оставим Лиззи отдохнуть, – заторопилась Рашель, и я была очень признательна ей за то, что она поняла намек.

Когда Лусия и Рашель вышли, я кинулась обыскивать комнату. Где-то же должен быть ноутбук. У молодой шестнадцатилетней девушки должны быть ноутбук и сотовый телефон! Связь с миром, социальные сети, все стандартно, а значит я смогу ими воспользоваться и зайти на нашу с мужем страничку в социальных сетях, чтобы просто найти хоть какую-то ниточку, чтобы понять, что я не сошла с ума, что я существую... ну, или существовала. В больнице на все мои

просьбы предоставить мне выход в интернет я под разными предложениями получала отказ. Теперь же я надеялась найти хоть какой-то прибор, подключенный к местной сети.

Ничего. Нет ни телефона, ни ноутбука. Пришлось мне идти мыться и потом искать, что надеть к обеду, что оказалось делом нелёгким, потому что я не представляла, что необходимо надевать к такому мероприятию – у нас в семье не было принято переодеваться к приемам пищи. Можно было спросить у Рашель, но мне так хотелось остаться одной, что я не удержалась и выставила их с Лусией как можно быстрее. Теперь буду полагаться на здравый смысл и логику.

Приняв ванну и высушив волосы, я снова зашла в шкаф и стала изучать ассортимент. Через пять минут осмотра стало создаваться впечатление, что вещи были приобретены шестнадцатилетней проституткой с задатками сороки. Из всего многообразия сложно было выбрать хоть что-то, что я бы рискнула надеть: платья были либо короткие, либо с таким вырезом, что, боюсь, мой «папочка» получит удар, увидев, как бесстыже выглядывает из него довольно объемная грудь его дочурки. Юбки с трудом прикрывали трусики, а брюки прилипали насмерть, выставляя напоказ высокие ягодицы. И все таких ярких цветов и с таким количеством страз, бус и всевозможных аппликаций, что уставали глаза.

После почти получасового поиска я нашла еле достающую до колен юбку светло серого цвета и шелковую сиреневую блузку с откровенным вырезом, который я закрыла, при-

шпилив очень необычную серебряную булавку в виде стрелы с большим голубым камнем вместо головы.

Переодеваясь у зеркала, я невольно залюбовалась красивым молодым телом Элизабет: большая упругая грудь, тонкая талия, плоский живот, широкие бедра и высокие ягодицы. Перемены были разительные. Тело, которое я потеряла, не было женственно-красивым. Я была (как тяжело говорить «была» о себе!) худощавой и невысокой, с небольшой грудью и маленькими бедрами. Больше мальчик-подросток, чем женщина. Сейчас же я любовалась настоящей женской фигурой.

Волосы тоже были хороши: светлые, длинные, густые и очень послушные. Я собрала их в хвост, потому что совершенно не знала, что с ними еще можно сделать. Я всегда стриглась коротко и все, что мне нужно было сделать с утра, это высушить волосы при помощи большой расчески – 15 минут и можно бежать на работу.

С туфлями было проще – в коллекции Элизабет оказалось много туфель, босоножек, кроссовок и мягких мокасин. Выбрав темно-серые кожаные мокасины, я решила, что полностью готова к обеду.

В комнате было прохладно от работающего кондиционера, но сладкий ванильный запах, витающий в ней, был таким сильным, что мне захотелось открыть окно. Я подошла к задернутым плотным шторам и отодвинула одну из них в сторону. Невероятный вид из окна заставил меня забыть обо

всем на минуту. Вдали синел океан, такой красивый, в белой пене и солнечных искрах, что я с трудом удержалась от желания плюнуть на все и пойти к нему. От океана вверх, к дому, вела тропинка, проходящая сквозь зелень деревьев и кустов.

Из комнаты можно было выйти на балкон, на котором стояли стол и стулья из ротанга, и множество глиняных горшков и ящиков с яркими цветами. Стены балкона обвивал ярко-зеленый плющ, а сверху его прикрывал козырек крыши, и весь балкон находился в спасительной тени. Я уже потянулась к балконной двери, чтобы открыть ее, когда услышала, что в дверь комнаты постучали:

– Девочка моя, ты готова? В столовой уже все собрались, – голос Лусии глухо звучал из-за двери.

– Иду, – я открыла дверь и Лусия, увидев меня, расплылась в улыбке.

– Красавица моя. Как хорошо, что ты надела эту брошь, твой отец будет рад.

Я понятия не имела, почему Стивен будет рад видеть брошь, но улыбнулась в ответ. Я не могла не ответить на улыбку, такую светлую и такую добрую, и Лусия приобняла меня. Мы постояли так, полу обнявшись, и Лусия сказала, отпустив меня:

– Пойдем, пойдем, кариньо. Лучше не заставлять твоего отца ждать.

– Почему он меня не любит?

– Кто тебе такое сказал? – Лусия помрачнела. – Клаудия?

– Нет, просто он со мной не говорит совсем и, по-моему, не очень рад, что я очнулась.

– О, нет, кариньо, ты не должна говорить так! – Лусия всплеснула руками. – Твой отец тебя обожает. Просто ему нужно немного времени, чтобы забыть и простить все, что произошло.

– А что произошло?

Я задала вопрос и по изменившемуся лицу Лусии поняла, что она мне ничего не скажет, да и самой мне стало неудобно, как будто я пыталась выведать не принадлежащую мне тайну.

– Пойдем, Лиззи.

Мы спустились вниз, и Лусия проводила меня до гостиной, в которой уже собрались люди. Я заметила Рашель, сидящую на диване в одиночестве в светло-голубом платье и серебристых туфлях на тонком каблучке. Волосы ее были аккуратно уложены, на лице легкий макияж. Издалека она действительно смотрелась молоденькой девушкой, не мудрено, что я тогда в больнице обманулась. Стивен стоял у камина, держа в руке объемный бокал с чем-то темно-коричневым. Похоже, он пил виски или коньяк. Рядом с ним, улыбаясь и жестикулируя, с таким же бокалом в руке стоял темноволосый красивый молодой мужчина. Клаудии я не заметила и выдохнула с облегчением. Мне совсем не хотелось провести вечер с гремучей змеей в компании, отбиваясь от ее колкостей и глядя, как Рашель трясется от негодования, пытаюсь

меня защитить. Я постояла секунд двадцать и, глубоко вдохнув, подошла поближе, чтобы меня заметили. Стивен заметил меня первым и, посмотрев мне в глаза своим стальным взглядом, сказал:

– Элизабет, рад, что ты чувствуешь себя лучше и сможешь присоединиться к нам.

С дивана, стоящего спинкой ко мне, тут же поднялись две фигуры, которые я не заметила изначально: Клаудия и еще один мужчина, с седеющими волосами и приятными чертами лица.

– Крошка, я так рада, что ты с нами, – воскликнула Рашель и поднялась со своего дивана, чтобы подойти ко мне. Я вдруг поняла, насколько тяжело ей находиться в компании этих людей, которые, разбившись на группки, вели непринужденный разговор, полностью игнорируя ее присутствие. Я подошла к Рашель и сказала, глядя ей в глаза:

– Да, мне уже лучше, и я рада, что сегодня проведу вечер с семьей.

Стивен остановил на мне свой тяжелый взгляд, седеющий мужчина поднял бровь, а Клаудия недвусмысленно ухмыльнулась.

– Тебе нужно представить всех, раз уж ты никого не помнишь? – Больше утвердительно, чем вопросительно сказал Стивен и, даже не дав мне времени ответить, продолжил:

– Я слышал, ты уже познакомилась с твоей сводной сестрой Клаудией, – Стивен махнул рукой с бокалом в сторону

Клаудии, и я заметила, что и она и Рашель покраснели. – Это твой брат, Брайан, – взмах в сторону молодого красивого мужчины. – Это Боб, друг семьи и мой ближайший помощник- улыбка и кивок сидящему мужчине. – А твой младший брат, Мэтт, присоединиться к нам чуть позже, у него сейчас дела.

– Да, в салоне красоты, – Клаудия хмыкнула, но, взглянув на отца, осеклась и опустила глаза.

– Пойдемте к столу, – пригласил Стивен, и все последовали за ним.

По тому, как он говорил и держался со всеми, как строг был с детьми и Рашель, я поняла, что Стивен – домашний тиран: он привык к беспрекословному повиновению, к тотальному послушанию, и никакие доводы не сменяют его мнения или намерений, если он сам того не захочет. Я почувствовала, как подступает паника. Судя по всему, Элизабет чем-то разозлила отца до такой степени, что тот даже не особо интересовался, жива она или нет. Как же мне теперь задобрить его так, чтобы он позволил мне уехать, да еще и в другую страну? Как, не вызывая подозрений, отправиться в Торонто? Пока я даже не решила задачу, как выйти в интернет и проверить, где сейчас моя семья и что случилось со мной настоящей!

Стол был сервирован безукоризненно: скатерти не было, а каждая тарелка стояла на отдельной накрахмаленной салфетке, столовые приборы из серебра разложены симметрич-

но, а бокалы сверкают в свете многочисленных ламп нависающей над столом люстры. В центре стола выставлена композиция из нежно розовых цветов в элегантных круглых вазах.

Все расселись за столом, согласно, видимо, каким-то негласным правилам. Во главе стола Стивен, рядом с ним, справа, Боб, слева – Брайан и рядом с ним Клаудия. Справа от Боба стояла посуда и приборы, но никто не сидел. Полагаю, что место оставили для младшего сына. Я и Рашель сидели слева от Стивена, но не рядом с Клаудией, а ближе к противоположному краю. Складывалось впечатление, что нас отправили в изгнание, думаю, что «папочка» сразу хотел дать мне понять, что я нынче не его фаворитка, но расстраивало это только Рашель, которая сидела за столом поникшая. Я же хотела только одного – поест и уйти. Возвращаться в розовое безумие комнаты Элизабет с тошнотворным запахом ванили совсем не хотелось. Что ж, будем решать проблему. Я проглотила кусок поданного на обед стейка и спросила:

– У меня есть просьба. Не мог бы ты меня выслушать?

Молчание, установившееся за столом после того, как я заговорила было явно вызвано удивлением. Судя по всему, Элизабет редко обращалась к отцу с просьбами, а не требованиями. Догадку тут же подтвердила Клаудия, которая с нескрываемым ехидством заметила:

– С каких это пор наша крошка нуждается в разрешении?

– Перестань! – Стивен слегка повысил голос, но Клаудии хватило и этого, и она умолкла – Слушаю, – теперь он обра-

щался ко мне, взгляд его серых глаз переместился на меня, и мне стало неуютно. Но отступить было некуда, и я продолжила:

– Можно я сменю комнату?

Теперь фыркнул Брайан, но не успел ничего сказать, остановленный сердитым взглядом отца.

– Конечно же, родная! – воскликнула с энтузиазмом Рашель. – Мы позовем дизайнера и наметим, что бы ты хотела поменять. Я давно уже говорила, что пора избавиться от балдахина. Это уже не актуально и как-то по-детски. А еще...

– Я не хочу изменять комнату, в которой я сейчас нахожусь, – перебила я поток мечтаний Рашель, пока он не унес её слишком далеко. – Я просто хочу переехать в любую другую комнату, если это возможно.

В глазах Стивена появилось удивление, смешанное с недоверием, а Рашель осеклась и в изумлении спросила:

– Но зачем?

– Я бы хотела переехать в комнату, где нет столько... – я замялась, подыскивая нужное слово, – столько индивидуальности.

В столовой повисла тишина. Мне стало совсем неуютно от того, что даже такую, казалось бы, элементарную просьбу воспринимают как нечто невероятное, невозможное и невыполнимое. Что же здесь произошло, и как эта бедная девочка Элизабет во всем этом замешана?

– Конечно, дорогая, – начала было Рашель, но Стивен пе-

ребил ее.

– Но ты же сама декорировала комнату, ты ее сделала ее такой, хм, необычной. Чего же ты теперь хочешь?

Я растерянno обвела взглядом собравшихся за столом, но все, кроме Рашель, смотрели с нескрываеmой насмешкой и с любопытством ждали ответа.

– Я не помню, кто и как декорировал комнату, но мне неуютно в ней жить. Если вас не затруднит, – я изо всех сил старалась быть предельно вежливой, – я бы хотела переехать в другую комнату, и я готова сама собрать и перенести вещи, благо их немного.

– Немного? – Стивен поднял бровь в удивлении, а Клаудия фыркнула, не в силах сдержать раздражение.

– Я не буду брать вещи из шкафа, – твердо произнесла я. – Если разрешите, я выберу несколько вещей и все, остальное пусть остается на месте, в шкафу.

Стивен молчал, и я совсем потеряла надежду. Если такая просьба вызывает у окружающих удивление, то на мое пожелание получить ноутбук меня, скорее всего, просто четвертуют. Наконец, Стивен заговорил:

– Хелли! – позвал он, и в комнату быстрым шагом вошла прислуга. – Приготовь дальнюю комнату на втором этаже для Элизабет, она теперь будет жить там.

Хелли кивнула и вышла, Стивен же обратился ко мне:

– Учти, Элизабет, предупреждаю, еще одна выходка, и ты вылетаешь первым же рейсом в женский интернат в Швей-

царию, а не удержишься там, то отправлю тебя собственноручно в тюрьму для несовершеннолетних.

– Стивен! – вскрикнула Рашель, но сказать ничего не успела, потому что из холла донесся веселый голос:

– Давно пора отправить эту маленькую безобразницу подальше от дома. Как говорится с глаз долой, из сердца вон!

– Мэтт! – Воскликнула Клаудия, вскакивая с места и подбегая к вошедшему в столовую молодому мужчине, красиво, с безукоризненно уложенными волосами и одетому дорого и со вкусом. Я не большой знаток брендовых вещей, потому что никогда не имела лишних денег, чтобы переплачивать за громкое имя, но даже я знала, что джинсы от Бриони и тонкий кашемировый свитер нежно-голубого цвета от Ралфа Лорена были явно куплены не за копейки и не в ближайшем супермаркете.

– Всем привет! – бодро сказал Мэтт, приобнимая Клаудию. – Наша сестричка снова что-то натворила?

Мэтт повернулся ко мне и улыбнулся с издевкой. Я молча смотрела на него.

– Мэтт, перестань паясничать и садись рядом с Бобом, – Стивен указал на пустующее место справа от него.

Боб сделал приглашающий жест, и Мэтт уселся рядом.

– Извините, что опоздал. Пробки просто жуткие.

– Не говори ерунды, – возмутилась Клаудия, – ты так носишься на своем Бугатти, что пробки не проблема. Скажи честно, что обошел все салоны красоты и ювелирные лавки

в округе, потому и опоздал.

Было непонятно, ругает Клаудия младшего брата или просто, шутя, поддевает его.

Мэтт рассмеялся и схватил приборы:

– Ох, я такой голодный.

– Что же тебя не покормили твои приятельницы? Или готовить они умеют только алкогольные коктейли? – подала голос Рашель.

Она была явно раздосадована тем, как обошелся с ее девочкой Мэтт, и не упустила случая поддеть его.

– Ну почему же, – голос Мэтта стал резким. – Они многое умеют, а главное они умеют контролировать количество выпитого алкоголя и не садиться пьяными за руль.

Рашель покраснела так, что мне показалось, что она сейчас расплачется.

– Если ты намекаешь на Лиззи, – прошипела она, – то не старайся, она все равно ничего не помнит и не может тебе сейчас ответить.

– Хорошо устроилась, сестренка, – обратился Мэтт ко мне, и я растерялась потому, что совершенно не понимала, что происходит, – накуролесила и делаешь вид, что память отшибло?

Я в испуге посмотрела на Стивена. Он сидел молча, но по побелевшему лицу и напряженному выражению глаз я поняла, что разразится гроза. Так и вышло:

– Замолчите оба! – резко сказал он, повысив голос и бро-

сив приборы на стол. Столовое серебро звякнуло, ударившись о дерево, и Рашель подскочила на стуле в испуге. — Довольно! Вы все достаточно меня позорили, чтобы я продолжал это терпеть. Я запрещаю вам вступать в разговор друг с другом, если вы не можете найти общий язык. Это понятно?

Никто не ответил. Все молча уставились в тарелки и сидели так до конца ужина. Разговаривали только Стивен и Боб, и очень редко слышался голос Брайана. Первыми из-за стола встали Стивен и его партнер, их примеру последовали остальные. Рашель придержала меня возле стола и тихо сказала:

— Не слушай никого, ты ни в чем не виновата.

И в этот момент я окончательно поняла, что быстро я из этого дома не вырвусь, а жизнь в золотой клетке покажется мне каторгой.

ГЛАВА 5

С трудом дождавшись, когда все рассядутся в зале и начнут послеобеденный разговор, я попросила разрешения пойти в свою комнату отдохнуть и, получив очередную порцию колкостей, поплелась в комнату Элизабет.

Поднимаясь по лестнице, я услышала, что кто-то идет за мной и обернулась. На лестнице стояла Рашель.

– Лиззи, как ты?

Я понимала, что она была не в силах больше выносить общество Стивена и его окружения и хочет поговорить хоть с кем то, кто готов ее слушать, но у меня уже не было сил. Я просто мечтала упасть на кровать лицом в подушки и лежать так, не двигаясь, как можно дольше, и поэтому ответила честно, без церемоний:

– Я немного устала и хотела бы отдохнуть.

Рашель сникла, и мне стало так жаль ее, что я быстро добавила:

– Но, если у тебя есть время, мы можем немного пообщаться?

По радостному блеску в глазах Рашель было понятно, что она очень ждала этого приглашения. Мы поднялись в комнату, и я, устав от недоговорок и полупамятостей, решила во что бы то ни стало выяснить, что же все-таки случилось с Элизабет. Я должна знать как можно больше, чтобы увеличить

мои шансы вырваться из этого дома и попасть в Торонто к моей семье.

Прошел уже почти месяц с моего пробуждения, а я не была ни на миллиметр ближе к ним. По ночам я закрывала глаза и вызывала в памяти родные лица. Маленькое круглое личико моей малышки с носиком-конопушкой и вечно смеющимся ротиком с белыми зубками, все ровные, кроме двух верхних резцов, которым не хватило места, и они немного развернулись в сторону. Серьезное лицо мужа с красивыми каре-зелеными глазами под длинными темными ресницами, которые по наследству достались и нашей крохе, отчего ее темно-карие глаза выглядели еще больше. Голубые добрые глаза мамы и озорные, серые – старшей сестры. Папа, улыбающийся внучке с такими же, как и у него, карими глазами. Я вспоминала, какой любовью и заботой я была окружена всю мою жизнь, и мне хотелось выть в потолок от чувства безысходности и бессилия, от холода, царящего в этом доме и нежелания быть частью этой драмы.

– Мама, – я впервые обратилась так к Рашель. Она вздрогнула и посмотрела на меня, удивленно и с надеждой. Я ощутила, как на душе стало гадко от того, что я пытаюсь манипулировать, играя на чувствах матери, но выхода не было, и я продолжила – почему здесь нет моего телефона или ноутбука? Может быть, в них есть что-то важное, что поможет мне вспомнить, кто я?

Рашель явно замаялась, пытаясь сообразить, как ей лучше

поступить. Наконец, она сказала:

– Лиззи, после того, что произошло, твой отец решил, что тебе не будет разрешено общаться с внешним миром без его ведома.

Я попыталась возразить, но Рашель подняла ладонь, останавливая меня, и продолжила:

– Я поговорю с ним, поскольку считаю это бесчеловечным, но не могу гарантировать, что он сразу же согласится. Дай ему время, пожалуйста, и постарайся не злиться.

– Хорошо, но могу я знать, что произошло? Я ведь даже не помню, что я сделала!

Рашель странно посмотрела на меня, и я поняла, что и она не была до конца уверена, симулирует ее дочь потерю памяти или действительно ничего не помнит.

– Давай поговорим об этом чуть позже, я не думаю, что сейчас лучшее время для такого разговора, – Рашель подошла ко мне, обняла и поцеловала в щеку. – Сейчас тебе лучше отдохнуть и поспать. Завтра я помогу тебе перебраться в другую комнату и собрать вещи в поездку.

– Какую поездку? – Я насторожилась.

Рашель замолчала, явно раздосадованная тем, что сказала лишнее. Затем, начала говорить, медленно подбирая нужные слова:

– Понимаешь, папа решил, что для тебя будет лучше поехать отдохнуть. У нас есть замечательный домик во Флориде, в Волтон Бичез. Он небольшой, папа купил его еще в на-

чале карьеры, но он стоит у самого океана, тебе понравится.

Я почувствовала приступ отчаяния: я и так была далеко от семьи, а теперь меня увозят еще дальше! Что потом? Папочка решит спрятать меня в Африке? Или Австралии? Что же делать? Что?!

– Но мы и так живем близко к океану! Зачем уезжать?

– Родная, пойми, здесь тебе не дадут покоя. Клаудия и ее братья будут тебя донимать, да и остальные, – Рашель вдруг поняла, что сказала слишком много и быстро продолжила, – а там мы отдохнем, и ты вернешься обратно в августе, как раз, чтобы снова пойти в школу.

– В августе?! – я запаниковала. – Но ведь сейчас только март? Я могу отказаться? Или, если уж ехать в ссылку, то зачем в те же условия? Отправьте меня лучше на север, в Канаду!

– Ну, что ты, Лиззи, никакой ссылки. Просто тебе там будет лучше. И Лусия поедет с нами! – Рашель явно испугалась моей реакции, а я не в силах сдерживаться, начала рыдать. Слезы катились у меня из глаз без остановки, и я чувствовала, что больше не смогу выносить этого дома, этой ужасной семьи, пропитанной взаимным холодом и ложью. Решение пришло само собой, и было таким простым, что слезы высохли мгновенно. Я сбегу. Мне все равно нечего больше терять: Стивен не оставит меня в покое, не даст мне общаться с внешним миром без надзора, а значит другого выхода все равно нет, нужно бежать этой ночью.

– Хорошо, я поеду. Только... можно попросить у тебя денег на новую одежду? Я не могу носить то, что висит здесь в шкафу.

– Конечно, родная моя! – Рашель явно обрадовалась тому, что я перестала рыдать и готова была выполнить любую просьбу. – Завтра поедem в магазин и купим тебе все, что захочешь.

– А нельзя мне самой поехать и все купить? – я еще пыталась сопротивляться.

Рашель снова замаялась, а потом сказала:

– Извини, но твой отец дал четкие указания тебя одну не выпускать и боюсь, что ослушаться мы не можем.

Что ж, не можем и не надо. Я убегу все равно. А как я достану денег дальше не так теперь и важно. Поеду автостопом, сначала в другую часть страны, там как-нибудь устроюсь и буду искать возможности прорваться в Канаду. А там... Что будет там, если даже я найду мужа? Поверит ли он мне? Примет ли такую? Не важно! Главное попытаться.

– Что ж, до завтра!

Я дала понять Рашель, что хочу остаться одна и та незамедлительно поднялась и вышла, пожелав мне спокойной ночи.

Я заперла дверь и начала лихорадочно обшаривать комнату в поисках всего, что можно взять с собой и при случае продать. Для начала были осмотрены ночной столик и комод, но ничего ценного там не нашлось. В комодe бы-

ла пара колец и серьги, но все бесполезная бижутерия. Под пачкой каких-то открыток и конвертов нашлась стопка фотоальбомов. Я начала вытряхивать содержимое конвертов и просматривать фотоальбомы в надежде, что где-то лежат спрятанные купюры. В одном из конвертов я обнаружила двадцать долларов и, приободренная успехом, продолжила с двойной силой. Один из альбомов упал на пол и раскрылся. Поднимая его, я невольно взглянула на фотографии и увидела Элизабет. Она стояла на берегу океана в окружении смеющихся парней и девушек. Один из парней, голубоглазый красавец, нежно смотрел на Элизабет и его лицо, загорелое и белозубое, было абсолютно счастливым. Я села на кровать, держа альбом и перелистывая страницы с фотографиями. Вот Элизабет в кабинке пивного бара, с красивой молодой брюнеткой. Обе девушки смеются, поднимая в воздух большие кружки, наполненные янтарной прозрачной жидкостью. Интересно, а как ее пустили в пивной бар? По закону вход в такие заведения запрещен до двадцати одного года. Мне в голову пришла такая неожиданная мысль, что я подскочила. Может, у Лиззи было фальшивое удостоверение личности? А что, если оно все еще здесь? Я начала перетряхивать все в комнате сантиметр за сантиметром. Ничего, пусто. Стоп! Есть еще шкаф.

Открыв двери шкафа и в очередной раз удивившись количеству вещей, я принялась за поиск. Я осмотрела все ящики и полки, прошупала каждую вещь, обнаружила еще несколь-

ко забытых в разных местах купюр, но ничего похожего на удостоверение личности не было. Меня накрыло такое разочарование, что я чуть не начала снова рыдать, но, взяв себя в руки, решила, что это уже не важно. Решение принято, и осталось только идти к намеченной цели.

Готовясь к семейному ужину, я наткнулась на шкатулку с украшениями, из которой и позаимствовала серебряную стрекозу. Теперь же я внимательно перебрала все украшения в шкатулке, чтобы решить, что стоит брать с собой, а что нет. Так, золотые серьги, похоже, что с рубином или гранатом. Берем. Дальше кулон с голубым камнем, наверное, в наборе со стрекозой. Годится. Пара колец, цепочки и небольшой браслет. Не густо, но думаю, что все ценное здесь хранят в сейфе: и не потеряешь и прислуге соблазна меньше. Я отобрала пару футболок, джинсы, шорты, спортивный костюм, кроссовки, кое-что из нижнего белья и мокасины. Все, больше не унесу. Дальше нужно было отправляться на кухню за припасами. Я накинула на себя халат, изображая человека, готовящегося ко сну, и пошла вниз. Из гостиной уже не слышались разговоры, значит, гости либо ушли, либо перешли в другое место. Замечательно. Нужно пробраться в кухню, которая располагалась прямо за столовой, и найти все, что может долго храниться, не портясь: чипсы, сухари, орехи, и обязательно бутылку воды. Далее буду ее только пополнять по необходимости из питьевых фонтанчиков.

Кухня оказалась невероятной красоты и размеров: шка-

фы из темно-коричневого дерева, некоторые со стеклянными вставками, светлая мраморная поверхность прилавков, полки с хрусталем и фарфором, блестящие краны, огромный холодильник и два встроенных духовых шкафа.

Я так залюбовалась всей этой красотой, что не сразу поняла, что слышу чей-то разговор. Помня, что в гостиной никогда не было, я стала оглядываться и заметила еще один выход из кухни на другой ее стороне. Подойдя к дверному проему, я выглянула и увидела большое помещение, разделенное на две половины. Одна, со светло бежевой плиткой на полу, была продолжением кухни. Там висели все те же темно-коричневые шкафы, а посередине располагалась огромная рабочая поверхность, которую в Северной Америке называют «остров». На такой поверхности удобно готовить, а под ней обычно расположен шкаф или выдвижные ящики. С одной стороны поверхности была раковина, а с другой стояло штук пять табуретов с мягкими сиденьями для тех, кто хочет быстро перекусить и не желает накрывать на стол. А справа от кухонной зоны расположилась еще одна гостиная намного больше первой, с камином, который вполне мог быть имитацией, учитывая круглогодичную калифорнийскую жару. На сером плетеном ковре стояли два огромных светлых угловых дивана, в центре – квадратный деревянный стол темно-коричневого дерева, а возле него большая мягкая светло бежевая тахта. Но самое потрясающее в комнате были панорамные окна с видом на океан, который на горизонте сливался

с небом. Вид был такой завораживающий, что я стояла, любясь красотой природы и забыв обо всем на свете.

– Тебе не кажется, что ты слишком строг с ней? Она ведь могла умереть.

Я вздрогнула, поняв, что говорят обо мне, то есть Элизабет. На диванах в гостиной сидели Стивен и Боб. Я видела профиль Боба, который сидел в пол-оборота ко мне, но Стивена я только слышала, потому что он прятался за высокой спинкой дивана.

– Иногда я думаю, что всем было бы легче, если бы это произошло, – голос Стивена был холоден.

– Ну, зачем ты так? – в голосе Боба послышалось замешательство. – Лиззи натворила бед, но она ведь твоя дочь.

– И я тоже виноват в том, какая она стала? – с сарказмом продолжил Стивен.

– Это не то, что я хотел сказать, – Боб окончательно растерялся.

– Это то, о чем я думаю с тех самых пор, как она очнулась. Мне стало не по себе. Стивен даже не может назвать свою дочь по имени. «Она», как же это жестоко звучит.

– И знаешь, я больше не хочу разбираться во всем этом, – Стивен продолжил изливать душу. – Я решил, что пока она отправится во Флориду подальше от проблем и, если не выкинет еще какой-нибудь номер, вернется в свою школу в августе.

– В свою школу? Стив, это жестоко! – Боб был удивлен. Я

видела, как расширились его глаза и поднялись вверх брови.

– Ей будет урок на всю жизнь. Хватит! А не пойдет в школу, то улетит в Швейцарию в интернат, а ты знаешь, какие там порядки. Посидит там год-другой и, может, научится уважать свободу.

Сердце мое сжалось. Если моему «отцу» что-то не понравится, то меня отправят в Европу на год или два, а оттуда сбежать и перелететь через океан без денег и документов я уже точно не смогу. А еще, меня удивила странная реакция Боба на известие о том, что Элизабет должна пойти в свою школу. Почему это жестоко? Что не так со школой?

– Хмм

Я подскочила на месте и резко обернулась. Сзади стояла Хелли.

– Вы что-то хотели? – её взгляд выражал неприязнь такую сильную, что я, хотевшая сначала вежливо извиниться за ночную прогулку, передумала и спокойно сказала:

– Я просто почувствовала, что голодна и пришла взять что-нибудь перекусить.

– Стоя в дверном проеме и подслушивая чужие разговоры, не предназначенные для ваших ушей, вы вряд ли наедитесь, – Хелли даже не пыталась быть учтивой, как сегодня утром в присутствии Рашель.

– Я не помню, где и что лежит, – как можно спокойнее и холоднее ответила я. – Пока искала, услышала голоса и решила посмотреть, кто это разговаривает. Я не собиралась ни-

чего подслушивать, а вам не мешало бы быть повежливее, раз уж вы наша прислуга.

Глаза Хелли расширились от удивления. Ага, не ожидала такого спокойного, но твердого отпора! Ты думала, что разговариваешь с малолетней дурочкой, которая, судя по всему, привыкла скандалить и впутываться из-за этого в неприятности, но не тут-то было. Тело у меня шестнадцатилетнее, а вот мозг то сорокалетней тети, и тебе не просто будет выставить меня в черном свете перед отцом, юная ты интриганка.

– И, если вы не против, я поищу для себя что-нибудь для перекуса, – продолжала я спокойно.

– Скажите, чего бы вы хотели, и я принесу это в вашу комнату, раз уж я ваша прислуга и это мои обязанности, – не осталась в долгу Хелли.

Да, теперь от нее не так просто будет избавиться. Но, с другой стороны, я действительно понятия не имею, где и что лежит. Пусть тогда и поработает, если уж так приспичило.

– Хорошо. Я думаю, что не откажусь от чипсов, орех и печенья бискотти. Только принесите побольше и в пачках, чтобы у меня в комнате был запас на случай ночного перекуса. И воды бутылочку.

– У нас есть ветчина, сыр, пицца, фрукты и овощи. Зачем вам забивать желудок всякой дрянью?

Ох, эта Хелли становится невыносимой.

– Простите, Хелли, но я не даю вам советов, какой диеты придерживаться и вы, пожалуйста, воздержитесь. Я буду

ждать чипсы, орехи и бискотти у себя в комнате. И не забудьте воду.

Я развернулась и пошла к себе, так и не посмотрев на произведенный эффект. Просто мне не хотелось вступать в споры, и я не дала Хелли шанс снова открыть рот.

ГЛАВА 6

К полуночи все было готово к побегу: я собрала вещи в небольшой рюкзак, который нашла в завалах в шкафу Элизабет, а сверху уложила еду, принесенную из кухни Хелли. Она из вредности сделала все не так, как я просила: чипсы и орехи высыпала в чашки, воду налила в высокий стеклянный фужер, а бискотти вообще не принесла. Я бы не стала лезть в бутылку из-за таких пустяков, но, в данном случае, это были не пустяки, а дальнейший успех моего плана. Поблагодарив Хелли за заботу, я заставила ее вернуться на кухню и принести мне еще запасов в закрытых пачках и бутылку воды, что она с огромной неохотой, но все же сделала.

Украшения я надела на себя из расчета, что, если что-нибудь случится с рюкзаком, у меня все же останется запас. Деньги тоже спрятала в кармане на застёжке. Готово, пора!

Я вышла из комнаты и стала тихонько спускаться по лестнице. В доме стояла тишина. Идя к холлу у входной двери, я мысленно повторяла: «только не на замок, только не на замок». Я понимала, что если входная дверь запирается на замок, то ключей у меня быть не может, и я понятия не имею, где их взять. А пытаться идти через кухню в гостиную, которая имеет выход на террасу, бесполезно, уж слишком велики шансы встретить там прислугу. Я потянула тяжелую деревянную дверь на себя и, к моей огромной радости, она под-

далась и открылась без шума. Отлично, идем вперед!

Я решила, что найду тропинку к океану, а там по берегу тихонько побреду в сторону города. Идти по дороге я не хотела. Во-первых, освещение слишком сильное, и бредущая по дороге одинокая фигура подростка вызовет подозрение. Скорее всего, кто-нибудь вызовет полицию и меня снова вернут домой, а оттуда первым же самолетом я вылечу в Швейцарию. Во-вторых, это небезопасно. Кто знает, какие маньяки могут разезжать в поисках жертвы в такое время, а у океана в темноте я могу спрятаться и передвигаться незамеченная никем. В городе на первом же автобусе я уеду так далеко, как только смогу до того, как меня хватятся, а там я в первой же парикмахерской обрежу и перекрашу волосы и попробую добраться до фермы или небольшой деревеньки, где постараюсь устроиться временной рабочей силой без документов. Наплету что-нибудь про трудное детство, про избивающих меня родителей, про то, что потеряла документы и теперь скитаюсь по стране. И, конечно же, мне уже больше двадцати! Никто не станет связываться с малолеткой, а совершеннолетний не вызывает испуга. Благо тело Элизабет развито не по годам и совершенно уже сформировано, так что я вполне сойду и за двадцатилетнюю.

Я тихонько брела через сад в сторону площадки для автомобилей за которой начиналась дорожка, ведущая к океану, как вдруг услышала мужской голос за спиной:

– Мисс Элизабет, не могли бы вы вернуться в дом?

Я резко обернулась. Недалеко от меня я увидела человека. Одетый во все темное, он был почти неразличим в темноте. Охрана! Ну почему я такая дура! Конечно же, входная дверь была не заперта потому, что по периметру дом охраняется. Меня заметили сразу же, как только я вышла из дома. У меня все похолодело внутри. Сейчас они доложат Стиву, и все, утром я лечу в Европу. Оставался лишь один шанс:

– Как вас зовут? – Спросила я как можно спокойнее.

– Джеймс, мисс.

– Джеймс, я просто вышла пройтись до океана. Днем так душно и я решила, что ночью свежее. Мне нужны прогулки для здоровья, мой доктор так сказал.

Джеймс не был дураком и, конечно же, не собирался мне верить. Но мне было важно, чтобы он просто дал мне дойти обратно до дома и не сообщил о моей прогулке Стивену.

– Мисс Элизабет, прогулки ночью дело небезопасное, и ваш отец попросил вас вернуться в дом. Он хочет с вами поговорить.

Все, это конец. Конечно же, они сообщили обо мне Стивену еще до того, как остановили меня в саду. Что делать? Я паниковала, мое сердце билось так отчаянно, будто пыталось вырваться из груди, а мысли скакали в голове с бешеной скоростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.